

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

На правах рукописи

Ермакова Лия Леонидовна

Вячеслав Иванов — переводчик и интерпретатор трагедий Эсхила

Специальность 10.01.01 — «Русская литература»

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург
2021

Работа выполнена в Отделе новой русской литературы ФГБУН «Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН»

Научный руководитель:

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
ФГБУН «Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН»
Константин Юрьевич Лаппо-Данилевский

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор кафедры философии и культурологии
НГОУ ВПО «Санкт-Петербургский гуманитарный институт профсоюзов»
Анна Викторовна Успенская

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
ФБГУН «Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН»
Светлана Владимировна Федотова

Ведущая организация:

ФГБОУ ВПО
«Санкт-Петербургский государственный университет»

Защита состоится _____ 2021 года в ___ часов на заседании диссертационного совета Д.002.208.01 при Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН по адресу: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на официальном сайте Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Автореферат разослан « _____ » _____ 2021 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета,
доктор филологических наук

С. А. Семячко

Общая характеристика работы

Вячеславу Ивановичу Иванову (1866–1949), поэту и теоретику символизма, принадлежит перевод с древнегреческого на русский язык шести трагедий Эсхила, из которых четыре переведены им полностью («Агамемнон», «Хоэфоры», «Эвмениды» и «Персы»), а две не до конца («Просительницы», «Семеро против Фив»). К тому времени, как Вяч. Иванов взялся за перевод Эсхила (в 1910-х годах), уже существовали русские переводы некоторых его трагедий или отдельных сцен из них (А. Ф. Мерзлякова, Б. И. Ордынского, А. Тархова, К. К. Павловой, М. Л. Михайлова, А. Н. Майкова, Н. П. Котелова, В. Г. Аппельрота, В. Турбина, И. А. Коссовича, Л. Н. Дурдуфи, В. А. Алексеева, Д. С. Мережковского, В. Т. Зенкевича и А. П. Воротникова): среди них есть как буквалистские прозаические переводы, так и поэтические — большинство этих переводов трудно назвать удачными с художественной точки зрения. До Иванова никто из переводчиков не ставил перед собой задачу перевести все дошедшие трагедии Эсхила и познакомить читателя не только с содержанием и формой его драм, но создать своего рода «русского Эсхила» подобно тому, как Н. И. Гнедич создал «русского Гомера».

Перевод Вяч. Иванова — это, во-первых, перевод филолога, прекрасно владевшего классическими языками. Во-вторых, это перевод поэта, теоретика символизма, чуткого к чужому поэтическому слову. Наконец, это перевод исследователя религии Диониса и древнегреческой трагедии, чьи изыскания отразились в таких работах, как «Дионис и прадионисийство», «Эллинская религия страдающего бога», «О существе трагедии», «Ницше и Дионис», «О действии и действе» и др. Именно эта последняя деталь отличает Иванова от других переводчиков: у Эсхила он искал подтверждение своих тезисов о трагедии и дионисизме. Перевод этот в смысловом отношении нередко отдалается от оригинала, и особый интерес представляют те случаи, когда в нем возникают смыслы, отсутствующие в греческом тексте. Иногда их можно объяснить проблемой передачи таких греческих понятий, которые не имеют

точных соответствий в русском языке. Иногда — попыткой интерпретации и стремлением «подправить» текст Эсхила, исходя из концепции дионисизма, с которым греческая трагедия, по мнению Иванова, непосредственно связана.

Примечательно в связи с этим высказывание (хотя и позднее) самого Вяч. Иванова о своем переводческом методе, которое в некоторой мере объясняет вольности, допускаемые им в переводе: «Я растворяю кристаллизованный в слове поэтический образ как бы в эфирную среду, его породившую, и, вобрав его в себя, растворенный, ставший бесплотным, сызнова кристаллирую его в сфере другого языка, сообразно законам и внушениям этой сферы, стремясь добыть идейный и музыкальный эквивалент прежнего воплощения, которое в новой реинкарнации перестает быть внешне похожим на свой первоначальный облик».¹ Из этого метафорического высказывания со всей очевидностью следует то, что ивановский подход прямо противоположен буквалистскому переводу. Стоит также отметить, что речь идет как об «идейном», так и о «музыкальном» эквиваленте, подразумевающим и метрическое, и звуковое воплощение в целом.

Работы, посвященные трагедиям Эсхила в переводе Вяч. Иванова, на сегодняшний день нельзя назвать многочисленными. Впервые к этой теме обратился Н. В. Котрелев, который подробно исследовал историю создания перевода и проработал важнейшие архивные материалы. Его статья «Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила» (1989) была опубликована в первом полном издании перевода, вышедшем в серии «Литературные памятники», которое сделало Эсхила в интерпретации Иванова доступным широким читательским кругам. Именно после выхода этой книги перевод Иванова наконец-то стал предметом специальных исследований. Среди других работ назовем статьи Н. Н. Казанского, С. С. Аверинцева, М. Л. Гаспарова, Я. Л. Забудской. Исследователи творчества Вяч. Иванова обращаются и к его переводам из греческой лирики (Т. Ф. Теперик, С. А. Завьялов, К. Ю. Лаппо-

---

¹ В. И. Иванов и Э. К. Метнер. Переписка из двух миров / Вступ. ст. и публ. В. Сапова // Вопросы литературы. 1994. Вып. 3. С. 311.

Данилевский, Ю. Б. Орлицкий). Переводы Иванова можно считать новаторскими с точки зрения традиции передачи метрики: он одним из первых систематически пытался воспроизводить метрику античных лирических размеров с помощью возможностей русского стихосложения, и его эквиметрические опыты особенно привлекают внимание исследователей. Метрика, помимо уже названных исследователей, затрагивается Г. В. Обатниным в статье о переводах Иванова из Горация. Для настоящей работы также важны работы Е. Г. Эткинда, Н. А. Богомолова, М. Вахтеля о Новалисе в переводе Иванова и П. Дэвидсон о Данте, поскольку некоторые наблюдения и замечания, высказанные этими исследователями, релевантны и для нашего материала. В частности, тезис о том, что неточность и вольность перевода иногда можно истолковать особым отношением Вяч. Иванова к переводимому им автору, и что в переводах Иванова обнаруживаются образы и символы, отсутствующие в оригинале, но по тем или иным причинам для него важные.

Научная литература, посвященная комплексу идей Вяч. Иванова, касающихся дионисийства, обширна. Прежде всего, следует назвать монографию и статьи Ф. Вестбука. Дионисийская концепция Иванова рассматривается исследователями в контексте научных представлений и философских тенденций начала XX в. (Н. В. Брагинская, Л. П. Буюева, С. Г. Сычева, Г. Карпи, Н. А. Ваганова, С. Д. Титаренко, И. Н. Фридман) и современного состояния вопроса (Ю. В. Андреев); ряд работ посвящен ее отражению в поэтическом творчестве Иванова (Н. М. Сегал-Рудник, Л. Силард, И. И. Тюрина), в литературно-философских статьях (А. Александрова, В. Земсков), в биографии (Г. Ч. Гусейнов).

Актуальность настоящей работы обусловлена недостаточной изученностью переводов Вяч. Иванова из Эсхила на фоне общего роста внимания ученых к теме «Иванов-переводчик». Научная **новизна** заключается в том, что предлагается комплексный подход к рассматриваемому переводу, впервые подробно описываются рукописи, в том числе не учтенные в издании

Эсхила 1989 года, а также при анализе привлекаются работы Иванова о дионисизме и греческой трагедии, которые можно использовать как своеобразный комментарий к его переводу Эсхила. Исследователи творчества Иванова нечасто к нему обращаются, хотя он крайне важен при изучении поэтического и драматического наследия Иванова, — среди возможных причин это недостаточной востребованности назовем представление многих исследователей о том, что перевод нужно рассматривать отдельно от оригинальных произведений и наоборот. Возможно, такой подход справедлив по отношению к тем переводчикам, которые стремятся устраниваться из текста переводимого ими автора. В случае же Иванова стоит говорить об обратном: к древнегреческой трагедии он подходил не с позиции переводчика-ремесленника, а с позиции переводчика-творца, поэтому особенности переводов Иванова прямо связаны с его изысканиями на тему дионисизма и возникновения трагедии.

Объектом диссертационной работы являются тексты трагедий Эсхила в переводе Вячеслава Иванова, **предметом** — особенности этого перевода, характеризующие переводческие стратегии Иванова и специфику его подхода к трагедиям Эсхила, которые были для него важны в том числе и как источник его изысканий о дионисизме и истоках греческой трагедии.

Цель настоящего исследования — всесторонний анализ перевода Вяч. Иванова из Эсхила с привлечением его идей о древнегреческой трагедии и религии Диониса.

Задачи, решению которых посвящены отдельные разделы нашего исследования, можно объединить в три группы. Первый круг задач связан с изучением истории создания перевода и выявлением наиболее авторитетных источников текста перевода. Решению этих задач посвящен первый раздел диссертационного исследования. Здесь мы рассматриваем, помимо истории перевода и источников текста, также вопрос о том, к каким изданиям обращался Вяч. Иванов в процессе своей работы. Второй круг задач включает анализ переводческих стратегий Иванова на примере перевода отдельных

древнегреческих понятий и реалий. Так, во втором разделе рассматривается символика двойного топора (лабриса) в переводе «Орестей» в контексте идей Иванова о происхождении трагедии, анализируется понятие «грех», лексико-семантическая группа «судьба» и христианские коннотации, возникающие в переводе. Эта последняя глава раздела находится на стыке лексико-понятийного и стилистического анализа. Стилистическим аспектам перевода посвящен третий раздел: среди наших задач — показать обращение Иванова с характерными особенностями стиля греческой трагедии, а именно передачу двусоставных слов и разного рода лексических и звуковых повторов (включая некоторые риторические фигуры, аллитерацию и гомеотелевты). В последнем, четвертом разделе работы рассматриваются метрические особенности перевода. Задача — сравнить перевод Иванова с другими переводами Эсхила на русский язык с точки зрения метрических решений.

Очерченный круг задач требует различных **методов** для их решения. Для решения задач, связанных с историей текста, применим метод текстологического анализа рукописей, историко-литературный метод, а также сопоставительный анализ изданий текста. Для решения задач второй и третьей группы актуальны общепринятые и традиционные методы филологического анализа и критики текста, включая сравнительно-сопоставительный анализ, а при рассмотрении лексико-семантических групп будет применен также количественно-статистический и лексико-стилистический анализ.

Художественному переводу как научной проблеме посвящено немало исследований, в которых рассматриваются как общие аспекты перевода и теоретические принципы, так и история перевода в России: среди них следует назвать работы К. И. Чуковского, Ю. Д. Левина, М. Л. Гаспарова, Е. Г. Эткинда, А. В. Федорова, А. Д. Швейцера, П. М. Топера, А. Н. Гиривенко, сборники статей «Мастерство перевода» и «Тетради переводчика». С методологической и теоретической точки зрения особенно важны для нас работы, посвященные переводам греческих трагиков на русский язык и переводам, выполненным современниками Вяч. Иванова:

кроме уже названных ранее, это статьи М. Л. Гаспарова об И. Ф. Анненском и В. Я. Брюсове, В. Н. Ярхо о Ф. Ф. Зелинском, А. В. Успенской о Д. С. Мережковском. Наконец, среди важнейших работ о русских переводах с древнегреческого нельзя не упомянуть монографию А. Н. Егунова о переводах Гомера.

На защиту выносятся следующие **положения**:

— Наиболее авторитетными рукописями перевода Вячеслава Иванова из Эсхила являются: для «Персов» — беловой автограф из Римского архива Иванова (РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 1. Л. 1–48), для неоконченных «Просительниц» и «Семерых против Фив» — единственные черновые автографы из РАИ (соответственно: РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 12. Л. 1–8; РАИ. Оп. 2. Карт. 33. Папка 3. Л. 1–17). Последние по хронологии машинописи «Орестей», на которые стоит ориентироваться при издании переводов Иванова, хранятся в личном фонде В. О. Нилендера («Агамемнон» — РГБ. Ф. 583. Карт. 14. № 18. Л. 1–59; «Плакальщицы» — РГБ. Ф. 583. Карт. 14. № 18. Л. 60–106; «Эвмениды» — РГБ. Ф. 583. Карт. 14. № 18. Л. 107–152).

— Изыскания Вячеслава Иванова в области греческой религии сказываются и на его переводе трагедий Эсхила, которые служили одним из источников для этих изысканий: так, двойной топор (лабрис), послуживший, согласно одной из версий мифа, орудием убийства Агамемнона, несколько раз встречается в его переводе, хотя у Эсхила он нигде прямо не называется; такой акцент важен для Иванова в связи с его стремлением видеть в Клитемнестре фигуру жрицы матриархального прадионисийского культа, убивающей жертвенного быка, которого олицетворяет Агамемнон.

— Вячеслав Иванов обращается к существительному «грех» и однокоренным словам при переводе разных греческих слов (тринадцать лексических единиц) и выражений, что объясняется не только трудностью адекватной передачи некоторых греческих понятий на русский язык, но также тезисом Иванова «действие — грех» и акцентом на исконности идеи первородного греха для дионисийской религии.

— Среди слов, входящих в лексико-семантическую группу «судьба», в переводе Вячеслава Иванова чаще всего фигурируют собственно существительное «судьба» и «рок», причем они могут передавать самые разные греческие понятия; сам Иванов отмечал, что трагедии Эсхила нельзя считать «трагедиями рока», ибо его герои действуют, руководствуясь собственной свободной волей.

— Некоторые слова и выражения в переводе трагедий Эсхила обладают библейскими и христианскими коннотациями, и в ряде случаев введение такой лексики в текст перевода можно объяснить тезисами Вячеслава Иванова о греческой трагедии и религии, о тесной связи между дионисийством и христианством, нашедшими выражение в его работах «Дионис и прадионисийство» и «Эллинская религия страдающего бога».

— Трагедии Эсхила в переводе Вячеслава Иванова насыщены двусоставными существительными и прилагательными; сравнительный анализ показывает, во-первых, что их в несколько раз больше, чем у других переводчиков Эсхила, во-вторых, что в большинстве случаев (около сотни лексических единиц) Иванов скрупулезно подбирает русские соответствия для греческих композитов, наконец, что зачастую русскому двусоставному слову в греческом тексте соответствует односложное слово, несколько слов или же композит является вольным добавлением переводчика (около восьмидесяти лексических единиц).

— В своем переводе Вячеслав Иванов особенно чуток к стилю Эсхила: он не только передает разного рода риторические фигуры, основанные на звуковом или лексическом повторе, но сохраняет аллитерации, в отличие от других переводчиков Эсхила, и дополнительно насыщает ими текст; кроме этого, он мастерски прибегает к спорадической рифме, имитирующей греческие гомеотелевты.

— Вяч. Иванов первым из русских переводчиков греческой трагедии попытался создать «эквиметрический» перевод: античный ямбический триметр он переводит шестистопным ямбом с константой на пятой стопе, а в

переводе хоровых частей прибегает к логоэдам, передающих греческие метры в их базовой форме. Переводческие принципы Иванова в XX веке во многом отразились на других русских переводах Эсхила, а именно А. И. Пиотровского и С. К. Апта.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что ее основные результаты могут быть использованы при подготовке нового издания трагедий Эсхила в переводе Вячеслава Иванова, а также в возможности применять полученные выводы при разработке курсов по истории и практике художественного перевода, истории перевода античных авторов на русский язык, рецепции античности в России, творчеству Вячеслава Иванова.

Апробация работы. Основные результаты исследования были изложены в докладах, прочитанных на научных конференциях: XVII Международная конференция студентов-филологов (Санкт-Петербург, 2014), «Вяч. Иванов и дионисийство: *Disputatio metaphysica et culturalis*» (Санкт-Петербург, 2015), «Символ и миф у Вячеслава Иванова и Андрея Белого» (Смоленск, 2018), «*Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism*» (Иерусалим, 2019). Выводы диссертационной работы отражены в статьях, опубликованных в журналах «Русская литература», «*Philologia Classica*», «*Studia Litterarum*», «Вестник Удмуртского государственного университета».

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех разделов, заключения, списка сокращений, библиографии и приложения.

Основное содержание работы

Во **Введении** дан краткий очерк и характеристика русских переводов Эсхила XIX–XX вв., определены объект и предмет исследования, его методология, сформулированы цели и задачи, обоснованы актуальность и новизна, описана степень изученности темы.

В **первом разделе «История и текстология»** рассматривается история создания перевода Эсхила Вяч. Ивановым, описываются основные известные рукописи. Раздел состоит из трех глав. В **главе 1. «История работы Вяч. Иванова над переводом Эсхила»** приводится хронологическая канва событий, так или иначе связанных с переводом и попытками его публикации. Иванов взялся перевести Эсхила по договоренности с издательством М. и С. Сабашниковых (в 1911 году) для серии книг «Памятники мировой литературы». Судя по всему, работа над переводом «Орестеи» началась в 1912–1913 годах. Издательство Сабашниковых пострадало от пожара в октябре 1917 года; рукописи перевода, переданные Ивановым, удалось спасти, но задуманное издание не состоялось. В 1926 году Иванов, покинувший Россию двумя годами ранее, попытался опубликовать свой перевод «Орестеи» Эсхила в издательстве Государственной Академии художественных наук, но и это предприятие оказалось безуспешным. В указанной главе приводится описание 18 рукописей и машинописей из пяти архивов (РНБ, РГБ, РГАЛИ, РО ИРЛИ РАН, Римский архив Иванова), содержащих текст переводов, включая машинописи перевода «Орестеи» из личного фонда В. О. Нилендера в архиве Российской государственной библиотеки — последние по хронологии, содержащие следы авторской правки. Самые ранние рукописи, которые можно надежно датировать, относятся к концу 1912 года (черновой автограф «Агамемнона»), самая поздняя машинопись датирована 1924 годом. Известно, что восемь рукописей полностью переведенных трагедий были в издательстве Сабашникова: по-видимому, пять из них Иванов забрал перед отъездом, и именно они теперь хранятся в Римском архиве Иванова. Еще три,

вероятно, судя по совпадению количества страниц, отложились в архиве В. О. Нилендера. Известно также, что в 1926 году Вяч. Иванов посылал из Рима в Россию машинопись перевода «Орестей», так что не исключено, что на сегодняшний момент какие-то машинописи остаются неизвестными.

В главе 2. «**Издания трагедий Эсхила в библиотеке Вяч. Иванова**» на основании описей библиотеки поэта и эпистолярных источников перечисляются греческие издания и переводы, которые имелись в его распоряжении. Сопоставление текста перевода и разных изданий привело нас к выводу, что он переводил трагедии Эсхила, пользуясь преимущественно изданием Г. Германа (1852–1853) и А. Вейля (1884), но обращался также к изданию А. Кирхгофа (1880) и У. Виламовица-Меллендорфа (1900 — немецкий перевод, 1914 — издание греческого текста).

В главе 3. «**Издания переводов Вяч. Иванова из Эсхила**» в хронологической последовательности рассматриваются и характеризуются те издания, в которых появлялись переводы Иванова из Эсхила — как отдельные сцены, так и трагедии целиком, а именно:

- Зелинский Ф. Ф. Древнегреческая литература эпохи независимости. Пг.: Огни, 1920. Ч. 2: Образцы (§ 1);
- Греческая литература в избранных переводах / составил В. О. Нилендер. М.: Советский писатель, 1939 (§ 2);
- Хрестоматия по античной литературе: для высших учебных заведений: в 2-х т. / Н. Ф. Дератани, Н. А. Тимофеева. М.: Учпедгиз, 1947. Т. I: Греческая литература (§ 3);
- Греческая трагедия: Эсхил, Софокл, Эврипид / Под ред. Ф. А. Петровского. М.: Изд-во АН СССР, 1950 (§ 4);
- Эсхил. Трагедии / в пер. Вячеслава Иванова; изд. подготовили Н. И. Балашов, Дим. Вяч. Иванов, М. Л. Гаспаров, Г. Ч. Гусейнов, Н. В. Котрелев, В. Н. Ярхо; отв. ред. Н. И. Балашов. М.: Наука, 1989 (§ 5).

В хрестоматиях 1920, 1939 и 1947 года были опубликованы лишь отрывки; в сборнике 1950 года впервые появились три трагедии «Орестей» под редакцией Ф. А. Петровского без указания имени переводчика, однако очевидно, что это перевод Вяч. Иванова, подвергшийся значительной редакции, которая явно принадлежит не ему: в частности, она направлена на упрощение текста за счет устранения некоторых архаизмов (та же тенденция обнаруживается в отрывках, опубликованных в хрестоматии 1947 года). Впервые полный перевод вышел в 1989 году: не умаляя значение этого издания, отметим, что оно не лишено недостатков, которые следует учесть при подготовке к публикации нового издания переводов Вяч. Иванова из Эсхила.

Второй раздел «Символы и понятия» посвящен нескольким ключевым символам, понятиям, лексико-семантическим группам, которые, на наш взгляд, отражают связь переводческих стратегий Вяч. Иванова с его размышлениями на тему дионисийской религии и греческой трагедии. Раздел включает четыре главы. В главе 2. **«Двойной топор (лабрис) в переводе “Орестей” и его символика в творчестве Вяч. Иванова»** анализируется значение лабриса, или двойного топора в переводе Иванова. Согласно Эсхилу, Клитемнестра убила Агамемнона, набросив на него покрывало, в котором тот запутался и потому не смог сопротивляться. Поскольку Эсхил нигде однозначно не называет само орудие убийства, акцентируя внимание на покрывале, этот вопрос стал предметом дискуссий среди исследователей. Иванов, соглашаясь с точкой зрения У. Виламовица-Меллендорфа, считает орудием убийства двойной топор (лабрис), причем в его переводе «обоюдоострая (двуострая) секира» или «двуострый топор» встречаются даже там, где их нет в греческом тексте — конкретные примеры из перевода приводятся в § 1. **«Двойной топор в Орестее»**.

В § 2. **«Двойной топор в статьях и работах Вяч. Иванова»** дается объяснение тому факту, почему для Иванова так важно было подчеркнуть в своем переводе, что орудием убийства Агамемнона послужил именно двойной топор. В работах о дионисийской религии («Эллинская религия страдающего

бога», «Дионис и прадионисийство», «О существе трагедии») Иванов, во-первых, связывает находки культовых двойных топоров на Крите с Дионисом и с ним же — тех богов и героев, в чьем культе или изображении фигурирует лабрис (Тешуб, Сандон, Зевс Лабрандий, Геракл, Ликург, Макарей). Во-вторых, он указывает на то, что дифирамб, из которого выросла греческая трагедия, первоначально — «обрядовая хоровая песнь, сопровождавшая убиение быка обоюдоострою секирой в честь бога, атрибутом которого был двойной топор».² Наконец, он утверждает, что в древнюю эпоху жрицами страдающего бога были женщины, и двойной топор был женским атрибутом, отмечая, что лабрисом бывают вооружены амазонки, менады и эринии. Образ Клитемнестры у Эсхила в интерпретации Иванова оказывается связан с тем культом, из которого возникла трагедия: Клитемнестра выступает как жрица двойного топора, убивающая жертву-быка (с которым у Эсхила сравнивается Агамемнон). Но позже она сама становится жертвой своего сына Ореста, и таким образом круг «жрец — жертва» замыкается. Вяч. Иванов подчеркивает, что в трагедиях Эсхила женские фигуры (Клитемнестра, Кассандра, Антигона, Атосса, Ио, Данаиды, Океаниды) представлены весьма ярко: «Эсхил стремится выявить гигантские лики мужей-полубогов, но как бы принужден постоянно прибегать к женским образам».³ Очевидно, что для Иванова это еще одно доказательство ключевой роли женщин в отправлении (пра)дионисийского культа, отголоски чего он находит в трагедиях Эсхила.

В главе 2. «Понятие “грех” в переводах Вяч. Иванова из Эсхила» сначала даются основные значения этого слова (§ 1. «”Грех”: значение»). Первое значение слова «грех» в толковых словарях русского языка связывается либо с христианской религией, либо с верой в бога вообще. Анализ частотности употребления этого слова и однокоренных с ним (*грешник, грешный, греховный, безгрешный, грешно, грешить, прегрешать,*

---

² Иванов Вяч. О существе трагедии // Иванов В. И. Собрание сочинений. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 196.

³ Там же. С. 197.

согрешить) в переводах из Эсхила Вяч. Иванова, Н. П. Котелова, С. И. Радцига, А. И. Пиотровского, С. К. Апта показал, что Вяч. Иванов чаще других переводчиков обращается к перечисленной лексике. Не исключено, что некоторые переводчики намеренно старались не использовать понятие «грех», пытаясь найти другие слова, которые не имеют христианских коннотаций. В переводе «Илиады» Гомера Н. И. Гнедича этой лексики ничтожно мало, в сравнении с общим объемом перевода. В переводе «Одиссеи» В. А. Жуковского нет ни одного слова с корнем «грех-/ греш-» (§ 2. «"Грех": переводы Гомера Н. И. Гнедича и В. А. Жуковского»). Эти переводы Гомера привлекаются, поскольку они, определенно, оказали на Иванова большее влияние, чем переводы Эсхила, выполненные его предшественниками.

Иная тенденция наблюдается у современников Вяч. Иванова, также переводивших греческих трагиков, а именно в переводах Д. С. Мережковского (из Эсхила, Еврипида и Софокла), И. Ф. Анненского (Еврипид), Ф. Ф. Зелинского (Софокл) (§ 3. «"Грех" в переводах греческих трагиков, выполненных современниками Вяч. Иванова»): у Мережковского слова с корнем «грех-/греш-» встречаются 22 раза в семи переведенных им трагедиях, у Анненского 71 в 18 трагедиях, у Зелинского — больше всего (62 в семи трагедиях). В переиздании трагедий Софокла в переводе Зелинского (1990) редакторы В. Н. Ярхо и М. Л. Гаспаров больше половины стихов, где встречается «грех», исправили или перевели заново, считая, что в этих стихах искажается смысл оригинала.

Словом «грех» Вяч. Иванов переводит совершенно разные древнегреческие понятия, а в некоторых случаях в оригинальном тексте и вовсе нет никакого «греха» — в лучшем же случае он только подразумевается. В § 4. «"Грех" в переводах Вяч. Иванова из Эсхила», в отдельных подпараграфах, рассматриваются древнегреческие слова и их значение, переводимые Ивановым как «грех», с примерами. Это ἀμαρτία (4.1.); ὕβρις (4.2.); ἄτη (4.3.); μίαισμα, μύσος, ἄγος (4.4.); δυσσέβεια (4.5.); κακά (4.6.); πῆμα,

βλάβη, παρβασία, μάτα, φόνος (4.7.); безличные выражения οὐ χρῆν, οὐ πρέλει (4.8.). Отдельно разбираются те пассажи, в которых «грех» является добавлением переводчика (4.9.).

В § 5. «Понятие “греха” и трагедия» рассматриваются взгляды Вяч. Иванова на древнегреческую трагедию в контексте его размышлений о действии и грехе. По его мысли, любое действие содержит в себе самоотрицание и ведет к противодействию, становясь причиной вины. В предисловии к своей трагедии «Прометей» (1919) Иванов под «действием» подразумевает волевой поступок героя, противоречие же действия кроется в «неправде» этого поступка: в качестве примера он приводит слова Агамемнона в исполнении хора (о необходимости принести в жертву Ифигению) «Что здесь не грех? Всё — грех!», добавляя, что они «заклучают в себе целую философию действия», выраженную в трагедии. Другая линия связана с орфическим мифом, который крайне важен для дионисийской концепции Иванова: согласно этому мифу, Загрей-Дионис был растерзан и съеден титанами, за что последние были сожжены Зевсом. Из их праха произошел человеческий род, и потому каждый человек является носителем одновременно и титанического начала, и дионисийского. Идея первородного греха, которую Иванов, таким образом, возводил к глубокой древности, сопряжена с антиномическим пониманием действия: человечество вынуждено расплачиваться за титанический грех, но всякое волевое действие отдельного человека, утверждающего свое индивидуальное бытие, ведет к новому греху. И это находит свое отражение в древнегреческой трагедии.

В главе 3. «Лексико-семантическая группа “судьба” в переводе трагедий Эсхила» рассматриваются существительные «судьба», «судьбина», «рок», «удел», «доля», «участь» и прилагательное «роковой», анализируется их значение (§ 1. «”Судьба”»: значение»). В переводе Вяч. Иванова представлены все рассматриваемые лексические единицы, но наибольшая частотность у слова «рок» (§ 2. «Лексико-семантическая группа ”судьба” в русских переводах Эсхила»). В § 3. «Лексико-семантическая группа

«судьба» в переводах Вяч. Иванова из Эсхила» последовательно разбираются с примерами из перевода отдельные древнегреческие понятия, которые Иванов переводит существительными из указанной лексико-семантической группы, а именно: μοῖρα, αἴσα, λάχος (3.1.); τύχη, δαίμων, συμφορά (3.2.); ἀνάγκη (3.3.); ἄτη (3.4.). Отдельно рассматриваются добавления переводчика (3.5.), которые не имеют соответствий в тексте Эсхила. В переводе Иванова нет какого-либо точного соотношения между теми или иными древнегреческими и русскими лексическими единицами из лексико-семантической группы «судьба». В свою очередь, русские слова у него могут передавать разные древнегреческие понятия, и больше всего приходится на существительные «судьба» (μοῖρα, μόρσιμον, τύχη, δαίμων, ἀνάγκη, συμφορά, βίωτος) и «рок» (μοῖρα, μόρσιμον, μόρος, αἴσα, τύχη, ἄτη, δαίμων, θέμις, ἀνάγκη, συμφορά, λάχος).

В «Лекциях по поэтике», прочитанных Вяч. Ивановым в Бакинском университете, в «Предисловии переводчика» к «Орестее» Эсхила, в неоконченной статье «Человек и судьба в трагедиях Эсхила и Софокла», в книге о Достоевском Вяч. Иванов настаивает на том, что трагедия Эсхила не является трагедией рока (§ 4. «Судьба и трагедия»). Иванов не отрицает античные представления о судьбе в целом, но утверждает, что в центре трагедий Эсхила стоит свободная воля человека, который сознательно выбирает свою судьбу, и если герои Эсхила страдают, то страдают они по своей вине.

Эсхил в переводе Вяч. Иванова местами неизбежно вызывает ассоциации с библейским текстом и христианскими реалиями, что отмечали и современники Иванова, слушавшие его чтение переводов, и исследователи его творчества. Глава 4. «Христианские коннотации в переводе Эсхила» посвящена рассмотрению отдельных слов и выражений, которые вызывают такие ассоциации. Так, выражение «лицо земли», восходящее к древнееврейскому и калькированное через библейские переводы сначала в древнегреческий, а затем в старославянский, в поэтических и прозаических

текстах Вяч. Иванова часто употребляется в контексте движения вверх, на землю из ее недр (реже — вниз, под землю) и связано с мифологемой умирания-воскресения, лежащей в основе дионисийской концепции Иванова. В § 1. «**Лицо земли**» показано, что это словосочетание появляется в его переводах из Эсхила как добавление, иногда в контексте смерти-воскресения, что, по-видимому, нельзя считать случайным. В частотности выражения «лицо земли» в текстах Иванова также отразилась характерная черта его поэтики: исследователями творчества Иванова доказано, что в его стихах многокомпонентные комбинации лексем имеют обыкновение повторяться.

Сильными христианскими коннотациями обладает понятие «страстей». Сам Вяч. Иванов писал о том, что оно перешло в христианство из эллинской религии: в дионисийских страстных служениях, посвященных страдающему божеству, участник этих мистерий приобщался к страданиям божества, чтобы затем испытать катарсис и очиститься от страстей. В § 2. «**Страстотерпец. Страстной**» анализируются указанные лексемы в переводе Иванова. Их появление в переводе объясняется мифологемой страстей дионисийского героя, о чем свидетельствуют отсылки самого Иванова к фигуре Ореста и цитаты из Эсхила в «Дионисе и прадионисийстве». Орест, убивший мать и преследуемый Эриниями, является, по Иванову, страдающим героем, «прадионисийской ипостасью», то есть относится к тому же типу, что Орфей, Пенфей, Меланипп и др.

В § 3. «**Богоотступники. Безбожники**» анализируются соответствующие существительные и те греческие слова и выражения (ἀμνήμων θεῶν, ἀνόσιος, δύσθεος, ἄθεος), которые Вяч. Иванов так переводит. Обращаясь к этой лексике, Иванов ставит акцент не столько на неверии в богов, сколько на презрении к ним: презирающий богов отнюдь не отрицает их существования, но повинен в неуважении к ним.

Как «святой» или «священный» (§ 4. «**Святой**») Вяч. Иванов переводит прилагательные ἅγιος, ἱερός, σεμνός, εὐσεβής. «Святой» в переводе Иванова встречается 31 раз, «священный» – 15 раз; наречие «свято» – 6 раз,

существительное «святыня» – 18 раз. Эти эпитеты встречаются в связке с топонимами, с названиями городов и рек, иногда подчеркивают особую оценку героем или хором того, что он называет «святым». «Святой» часто фигурирует как эпитет божества или вообще того, что имеет отношение к божеству и его культу. В ряде случаев эпитет «святой» добавлен переводчиком и не имеет соответствий в греческом тексте.

Среди той лексики, которая несет на себе отпечаток библейского узуса, отдельно рассмотрены некоторые двусоставные прилагательные и существительные, вошедшие в русский язык через переводы Библии и литургических текстов. В § 5. «Двусоставные слова» анализируются композиты «благорастворение», «чадородие», «вертоградарь», «добропобедный», «смирennemудрый», «благовестный», которые встречаются в переводе Вяч. Иванова. Наконец, в последнем параграфе четвертой главы обсуждаются выражения «прежде век рожденные», «главы нам было негде преклонить», «рук не убелить убийственных» (§ 6. «Разное»).

В третьем разделе «Стиль» предпринят анализ некоторых стилистических особенностей перевода Вяч. Иванова из Эсхила. Раздел состоит из двух глав. Так, в главе 1. «Двусоставные слова в переводе Вяч. Иванова» подробно рассматриваются сложные прилагательные и существительные (ранее, в § 5 рассматривались христианские коннотации, которыми они могут обладать). Двусоставные слова в поэтическом творчестве Иванова весьма частотны, и их можно считать одним из элементов, формирующих ту «тяжеловесность» стиля поэта, о которой неоднократно писали критики и исследователи его творчества. В то же время, они характерны для древнегреческого эпоса и трагедии, так что Аристофан, пародируя в комедии «Лягушки» стиль Эсхила, заставляет своего героя (Эсхила) говорить длинными, двусложными словами. Например, в трагедии Эсхила «Агамемнон» насчитывается 278 композитов. Подсчеты (на материале русских переводов «Агамемнона», выполненных Вяч. Ивановым, Н. П. Котеловым, С. И. Радцигом, А. И. Пиотровским, С. К. Аптом) показали,

что в переводе Иванова двусоставных слов примерно в три раза больше, чем у других переводчиков. Очевидно, что он наиболее последовательно стремится передать эту особенность эсхиловского стиля. Список сложных прилагательных и существительных в переводах Вяч. Иванова из Эсхила представлен в **Приложении 1**, включающим четыре группы: двусоставные слова, которые соответствуют композитам в греческом тексте; при помощи которых передается несколько греческих слов; которые соответствуют односоставным словам в греческом тексте; которые не имеют соответствий в тексте оригинала. В своем переводе Эсхила Вяч. Иванов не только по возможности старался передать греческие композиты, используя словообразовательные возможности русского языка, но и дополнительно насыщал русский текст сложными прилагательными, обнаруживая свою поэтическую изобретательность. Полученные данные демонстрируют применяемые Ивановым словообразовательные приемы, а также творческую работу переводчика, решающего поставленную им перед собой трудноисполнимую стилистическую задачу.

В главе 2. «Лексические и звуковые повторы» рассматриваются риторические фигуры, основанные на звуковом повторе, рифмы и аллитерация в переводе Вяч. Иванова из Эсхила. Глава включает четыре параграфа. В § 1. «Повторы однокоренных слов» разбирается, как Иванов передает этимологические фигуры (1.1. «**Figura etymologica**»), оксюмороны (1.2. «**Оксюморон**») и другие лексические повторы (1.3. «**Анафора, эпифора, полиптотон**»), при этом в некоторых случаях для сравнения приводятся решения других переводчиков. В переводе Иванова *figura etymologica* обычно не отражает соответствующую фигуру в греческом тексте, а является добавлением переводчика. Исключение — «верные из верных» («Персы», стих 681) — *πιστὰ πιστῶν*. Отметим, что этимологические фигуры типа «горе горькое», «думу думать», «век вековать» обладают яркой фольклорной окраской. Среди прочих особенностей, которые характерны для русского фольклора и которые обнаруживаются в переводе Вяч. Иванова, можно

назвать также устаревшую лексику, в том числе описывающую древнерусские реалии (*сулица, вече, холоп, вотчина* и др.), конструкции из существительных с дефисом, одно из которых является определяющим приложением или синонимично другому (напр., *грусть-тоска, Исмен-поток, царь-отец* и др.), устойчивые эпитеты, выражения, формы, характерные для фольклора (*сине море, ветры буйные, солнце красное, меч булатный, возгóворил* и др.), перенос ударения на предлог (*на́ море, о́ зель, по́ сердцу, за́ хлеб, за́ соль*), грамматическую рифму. Фольклорная составляющая в переводе Эсхила ощутима, но ее нельзя назвать стилевой доминантой.

Оксюморон, основанный на повторе однокоренных слов, можно считать разновидностью этимологической фигуры (напр., *παῖδες ἄλκιδες* — «дети недетные», «Эвмениды», ст. 1035). В двух случаях («Персы», ст. 678–680; «Агамемнон», ст. 407–408) Иванов его передает, стараясь сохранить лексический повтор, чего не делают другие переводчики Эсхила.

Повторы похожих по звучанию слов, но с разными корнями передать в переводе труднее: как частный случай паронимии можно отметить игру слов, касающуюся имен собственных, при этом этимологизация имени собственного может быть ложной, из разряда народной этимологии (§ 2. **«Повторы слов с разными корнями. Этимологизация имени собственного»**). Вяч. Иванов справляется с этим, передавая обыгрывание имени Елены («Агамемнон», ст. 681 сл.), Аполлона («Агамемнон», ст. 1080–1081) и Полиника («Семеро против Фив», ст. 576 сл.).

Рифма также основана на звуковых повторах. В § 3. **«Гомеотелевты и рифма»** анализируются рифмы в переводе Вяч. Иванова. Античная поэзия рифмы в современном понимании не знала, но к грамматической рифме типологически близки гомеотелевты, то есть слова с одинаковой финальной частью (обычно это одинаковая морфема), встречающиеся на определенном отрезке текста; их можно найти у Эсхила. Предшественники Вяч. Иванова переводили трагедии Эсхила, решая вопрос о рифме по-разному. Например, А. Ф. Мерзляков (1825) обратился к александрийскому стиху с чередованием

мужских и женских рифм. В. К. Кюхельбекер (1825) и А. Н. Майков (1874), переводя «Агамемнона», рифму не использовали. В первом переводе «Орестей» Н. П. Котелова (1864) рифма изредка встречается, но ее появление не следует никакой закономерности. Во втором переводе «Орестей» (1883) он добавил рифму: здесь есть вольная рифмовка в хоровых партиях, но кое-где она спорадическая, так что зарифмованы не все стихи, а в некоторых стасимах ее и вовсе нет. В переводах «Семерых против Фив» (1887) и «Персов» (1888), выполненных В. Г. Апфельротом, рифмы нет. Современники Иванова, переводившие греческих трагиков, а именно Д. С. Мережковский, И. Ф. Анненский и Ф. Ф. Зелинский, к рифме не прибегали. Только в переводе «Агамемнона» С. И. Радцига (1913) появляется преимущественно перекрестная рифмовка в партиях хора — в строфах, антистрофах и эподах. Решение вопроса об использовании рифмы при переводе греческой трагедии связано не только с традициями перевода, но, очевидно, и с индивидуальными вкусами переводчика.

В переводе Вяч. Иванова спорадически встречаются рифмы смежные («Вскликните дружно в лад, / Громко ликуй весь град», «Хоэфоры», ст. 942), стыковые («Низвергнут в прах / Божий страх. Растоптан стыд», «Хоэфоры», ст. 642–643) и внутренние («Что над мертвым царем, корабельным вождем...», «Хоэфоры», ст. 942). В ряде случаев это грамматическая рифма, которая, как было сказано, во-первых, сопоставима с греческими гомеотелевтами («Как тебя мне встречать? Как тебя величать...», «Агамемнон», ст. 785), а во-вторых, ассоциируется с фольклором. Вяч. Иванов в предисловии к переводу «Орестей» пишет: «Эсхил народен по своей проникнутости живою стариной заклинательного языка и обрядового предания, присловий и поверий».⁴ Между прочим, А. Н. Веселовский, с трудами которого Вяч. Иванов был знаком, считал, что разного рода параллелизмы лежат в основе народного творчества,

---

⁴ *Иванов В. И.* Предисловие переводчика к «Орестее» Эсхила // Эсхил. Трагедии / в пер. Вячеслава Иванова. М., 1989. С. 197.

и, указывая на происхождение трагедии из дифирамба, приводил примеры повторов из Эсхила.⁵

Большая часть рифм приходится на долю хора, что можно объяснить стремлением переводчика стилистически дифференцировать хоровые партии и речитативные части. В ряде случаев с помощью рифм Иванов передает присутствие гомеотелевтов в соответствующих стихах греческого текста (примеры приводятся в **Приложении 2**). В большинстве случаев, где Иванов прибегает к рифме, в греческом тексте нет очевидных гомеотелевтов, но подчеркнем, что рифмами переводчик не злоупотребляет.

В § 4. «Аллитерация» показано, что звукописи Вяч. Иванов в своем переводе уделяет особое внимание, при этом он не только по возможности пытается передать аллитерацию там, где она есть в греческом тексте, но в некоторых случаях привносит ее в русский перевод сам, обычно в хоровых частях (наиболее очевидная звукопись встречается у Эсхила именно в хоровых партиях трагедий). Лирические, хоровые части, которые в греческой трагедии отличаются от ямбических не только размером, но и стилистически, у Иванова таким образом оказываются также более лиричными и поэтичными по своему звучанию за счет добавляемой им звукописи и спорадических рифм.

В четвертом разделе «Метр» анализируются метрические особенности перевода Вяч. Иванова. Речитативные части греческой трагедии написаны ямбическим триметром. Как уже было сказано, А. Ф. Мерзляков в своих переложениях из Эсхила (1825) использовал александрийский стих, следуя классицистической традиции перевода трагиков. К белому пятистопному ямбу (с гиперкаталектическими стихами) прибегают в переводах «Прометея Прикованного» (фрагментов или целиком) — А. Тархов (1841), К. Павлова (1850), М. Л. Михайлов (1863), И. А. Коссович (1873), В. Турбин (1882), Л. Н. Дурдуфи (1893), А. Н. Майков в переводе из «Агамемнона» (1874), В. Г. Апфельрот («Семь против Фив» — 1887, «Персы» и «Прометей» —

---

⁵ *Веселовский А. Н.* Три главы из исторической поэтики // *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. М., 1989. С. 242–243.

1888), Н. П. Котелов («Персы», «Орестея» — 1864, «Орестея» — 1883), С. И. Радциг («Агамемнон», 1913). Д. С. Мережковский, И. Ф. Анненский и Ф. Ф. Зелинский также обращались к пятистопному ямбу. Эту традицию нарушил Вяч. Иванов, избравший шестистопный ямб для перевода греческих триметров. Позже его идею в России подхватили такие переводчики Эсхила, как А. И. Пиотровский и С. К. Апт. В пятистопном ямбе допускались гиперкаталектические стопы, и некоторые переводчики достаточно последовательно прибегали к чередованию 10-сложных и 11-сложных стихов, так что клаузула была либо мужской, либо женской. В шестистопном ямбе это оказывается недопустимым, так что клаузула получается либо мужская, либо дактилическая. Еще одна особенность шестистопного ямба в том, что цезура в нем не должна следовать после шестого слога, иначе он превратится в александрийский стих.

Исследователи, изучавшие русский шестистопный ямб на материале разного времени (включая и александрийский стих как особую разновидность), обнаружили следующую закономерность: последний слог в таком ямбе всегда ударный, а наименьший профиль ударности приходится на пятую стопу. Но в переводах трагедий, выполненных Вяч. Ивановым, этих закономерностей мы не наблюдаем, что связано с адаптацией русского шестистопного ямба для передачи ямбических триметров греческой трагедии: пиррихий в пятой стопе встречается редко. Возможно, одной из причин закрепления стиха с константой на пятой стопе для передачи греческого ямбического триметра был тот факт, что пятый долгий слог в греческой трагедии обычно не распускается.

Сравнение метрических вариантов шестистопного ямба в переводах Иванова, Пиотровского и Апта показало, что наиболее частотные его формы — это стих с пиррихием в четвертой стопе в разных вариациях и «чистый» ямбический стих с дактилическим окончанием.

В лирических частях греческих трагедий, исполнявшихся хором, мы встречаем чередование разных метров; структурно-метрическая особенность

трагедии — это повторение схемы строфы в идущей за ней антистрофе. Попытки передать отличие речитативных партий от хоровых можно увидеть уже в переводах Мерзлякова: в хоровых частях он прибегает к чередованию александрийских стихов с четырехстопным и трехстопным ямбом, но еще не стремится сохранить метрический параллелизм строф и антистроф. В XIX в. переводчики решают этот вопрос по-разному, но у всех них складывается общее представление о необходимости сохранять отличие хоровых партий от речитативных, чего они пытались достичь, используя в лирических частях стихи неравной длины, трехсложные размеры (в оппозиции к пятистопному ямбу, которым переводились речитативные партии), чередование разных размеров в соседних стихах, а иногда и разных стоп в одном стихе.

Вяч. Иванов первым из переводчиков сделал попытку создать «эквиметрический» перевод, но, «транскрибируя» античные метры из квантитативной системы в силлабо-тонику, он обычно ориентируется на абстрактный метр, а не на его конкретную реализацию у Эсхила. В ходе анализа было обнаружено, что Иванов систематически передает почти все метры, кроме тех, которые трудно передать, а именно спондеи: он сохраняет одиночные спондеи, спондеи в иониках, но в бакхиях оставляет только одну сильную позицию, спондеи в анапестических и дактилических системах он передает как анапесты или дактили соответственно, а в дактилических также как трохеи. Стремление передать разнообразные размеры греческих хоров, хотя и в общем виде, также присуще А. И. Пиотровскому, который ориентировался на принципы ивановского перевода. С. К. Апт в этом отношении менее скрупулезен и следует за античными размерами не всегда.

Были также проанализированы расхождения ритмического рисунка между строфой и антистрофой в переводах Иванова, Пиотровского и Апта в процентном отношении к общему количеству слогов в строфах, с учетом несовпадающих сильных позиций и лишних слогов. Расхождения в разных трагедиях в переводе Вяч. Иванова сопоставимы и не слишком велики тем более, что в оригинале также возможны расхождения (разрешения или замены

стоп). Менее аккуратен в этом отношении перевод «Агамемнона» Пиотровского, тогда как перевод Апта приближается по тому же показателю к переводам Иванова.

В **Заключении** приводятся основные выводы диссертационного исследования. После **Списка сокращений** и **Библиографии** идет раздел **Приложение**: в **Приложении 1** представлен список двусоставных слов в переводах Вяч. Иванова из Эсхила. В **Приложении 2** — примеры рифм в переводах Иванова из Эсхила, которые имеют соответствия (гомеотелевты) у Эсхила.

**Список публикаций по теме диссертационного исследования
в изданиях, рекомендуемых ВАК РФ**

1. Ермакова Л. Л. Дионисийская концепция Вяч. Иванова. Рец. на кн.: Ф. Вестбрук. Дионис и дионисийская трагедия: Вячеслав Иванов. Филологические и философские идеи о дионисийстве. München: «Verlag Otto Sagner», 2009, 314 с. // Русская литература. 2010. № 2. С. 256–258.
2. Ермакова Л. Л. Трагедии Эсхила в переводе Вяч. Иванова: эдиционные проблемы // Русская литература. 2015. № 2. С. 215–230.
3. Ермакова Л. Л. Хор Океанид в трагедии В. И. Иванова «Прометей» // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия история и филология. 2015. Т. 25. Вып. 3. С. 22–25.
4. Ермакова Л. Л. Лабрис, или двойной топор, в переводах Вячеслава Иванова из Эсхила // *Philologia Classica*. 2017. № 12-2. С. 218–230.
5. Ермакова Л. Л. Греческие *composita* в переводах Вячеслава Иванова из Эсхила // *Philologia Classica*. 2018. № 13-2. С. 276–287.
6. Ермакова Л. Л. Мифологема страдающего бога в «Орестее» Эсхила в переводе Вячеслава Иванова // *Studia Litterarum*. 2019. Т. 4. № 4. С. 220–231.